

УДК 94

Макаренко В.П.

РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗУМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСМАНО-РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Для адекватной формулировки проблемы империи в истории и современной России требуется дистанция в отношении концепций, которые разрабатываются представителями официальной науки и пропаганды в России и россиеведами за пределами страны. Концепт дистанции позволяет освоить теоретическое пространство основательного труда Д. Ливена в контексте современных российских преобразований с одновременным дистанцированием от политической конъюнктуры и интеллектуально-политических мод. Данные уточнения позволяют внести необходимую конкретизацию в концепцию Д. Ливена и определить повестку дня дискуссии по проблеме русского государственного разума в контексте осmano-российской компаративистики. В статье систематизированы общие проблемы Российской империи до 1917 г. и поставлена проблема их воспроизводства в современной России.

Ключевые слова: русский государственный разум, империя, сходство и различие Османской и Российской империй.

Тема государственного разума (термин *reason d'etat* на русский язык переводится как *государственный интерес*) меня интересует давно. Со времени публикации первой книги я развиваю идею о том, что государственный разум (государственные интересы) являются элементом бюрократических отношений внутри государственного аппарата и в его взаимосвязях с обществом. Последние результаты воплощения идеи изложены в недавно вышедших работах [1; 2]. Р. Арон заметил: «Идея, для верующего в нее, наполнена конкретным содержанием» [3, с. 127]. Содержанием этой статьи будет имперская компаративистика.

Данный метод исследования я тоже применяю давно. Пятнадцать лет назад была опубликована статья, в которой я описал общие проблемы бытия и распада империй и предложил рассматривать современные российские преобразования как частный случай этого общего процесса. Поскольку Крым и Кавказ до XX в. находились в зоне противоборства между Османской и Российской империями, постольку процесс распада СССР можно рассматривать в сравнении с опередившим его более чем на 100 лет распадом Османской империи [4, с. 30-40].

Недавно мной была изучена коллективная монография о российском Кавказе [5]. На удивление, в ней не затрагиваются ни общая тема империй, ни частные проблемы анализа российского Кавказа в контексте распада Османской и Российской империй. Ведь ко времени публикации указанной коллективной монографии уже был издан фундаментальный труд английского историка Д. Ливена [6], в котором всесторонне описана необходимость и продуктивность сравнения Османской и Российской империй.

Когнитивно-политические ловушки и безжалостный механизм

Доминик Ливен – специалист в сфере сравнительной истории – считает, что никогда и нигде проблема позитивного или негативного отношения к империи не стояла так остро, как в современной России. Для осознания целей и задач страны надо определить отношение к царскому и советскому прошлому. Но большинство русских воспитано в марксистско-ленинском простодушии. Назвать Советский Союз империей для них значило бы осудить его, выбросить на свалку истории, признать бессмысленной и безнравственной жизнь трех четвертей нынешнего населения России, которые родились и прожили большую часть жизни в СССР. Однако в современном мире любая попытка восстановления империи будет реакционным донкихотством. С другой стороны, если не считать Советский Союз империей, а единым наднациональным пространством, то его разрушение было ошибкой и преступлением, а стремление возродить его частично или целиком не является безнравственным или безнадежным. Но большая часть населения России до сих пор не приняла постсоветский порядок. Поэтому на протяжении жизни нынешнего поколения жителей России проблема отношения к империи будет для них важной и политически спорной [7, с. 42-43].

Для политической концептологии критерий спорности любых теорий является ключевым. В этом состоит важный момент моего избирательного сродства с позицией Д. Ливена. С необходимым уточнением: мой отбор проблем из громадного материала его книги тоже будет подчинен данному критерию в целях формирования повестки дня дискуссии, главные вопросы которой выпадают из поля зрения, если ее участники вдохновляются конъюнктурой и интеллектуально-политическими модами.

Предметом исследования Д. Ливена является история империй с точки зрения сравнительной политологии, частный случай которой – имперские тенденции русской истории. В состав данных тенденций входят проблемы отношения империи к формированию наций и имперской внешней политики. Цель Д. Ливена – уложить историю России в международный контекст. Такой подход не нравится ни большинству русских, ни западных ученых. Но в познании критерий большинства научного сообщества (или мейнстрима) в лучшем случае является дискуссионным, а в большинстве случаев мешает установить истину. Суть дела в том, что на протяжении последних 400 лет ход мировой истории определялся Англией, Францией и США, которые навязывали себя в качестве образца другим странам (включая Россию). На русскую историю пагубно повлияло то, что Россия всегда была слабее Запада. В силу географической близости к главным очагам европейского могущества правители России осознали этот факт раньше большинства других народов. «Сильный может на время позволить себе забыть о значении силы. У слабого такой возможности нет» [7, с. 14]. В книге описана слабость России в системе

международных отношений, динамики этой системы и ее влияния на русскую историю.

Ни один из аналитиков империй не рассматривал Россию в таком контексте. «Большинство исследователей империй, – пишет Д. Ливен, – старательно избегают этой темы, считая Россию не отмеченным на карте болотом, охраняемым злобными и слегка помешанными академическими цепными псами. До 1991 г. включение Советского Союза в категорию империй не только отпугивало интеллектуально, но и было подозрительным политически. Подавляющее большинство западных историков-русистов видят уникальность российской государственности в безграничном доверии народа к своим правителям. Для многих русских в этом и заключается религиозное чувство» [7, с. 15].

Для адекватной формулировки проблемы империи в истории и современной России требуется *дистанция* в отношении концепций, которые разрабатываются «академическими цепными псами» внутри России и россиеведами вне России, а также в отношении к политико-религиозным чувствам большинства русских. Концепт *дистанции* для политической концептологии является базисным [8]. Он позволяет освоить теоретическое пространство исследования Д. Ливена в контексте современных российских преобразований с одновременным дистанцированием от политической конъюнктуры и интеллектуально-политических мод. Эту сверхзадачу я разделю на три относительно самостоятельные темы: общие проблемы Российской империи до 1917 г.; специфика советской империи; современная Россия. В данной статье будут систематизированы проблемы, возникшие до революции 1917 г.

Д. Ливен начинает исследование с описания политических и культурных ловушек, связанных со смыслом термина «империя». На протяжении 2000 лет термин был и остается многозначным. Назвать государство *империей* означает навесить на него положительный или отрицательный ярлык. Английский историк анализирует причины этой оценки на примере отношения Англии к Ирландии. Основные принципы британского имперского правления были заложены в Ирландии в XVI в. Они включают два основных элемента: идеологию цивилизационной миссии (чувство культурного превосходства над аборигенами) и доктрину *terra nullius*: если «отсталые» местные жители плохо обрабатывают землю (или другие экономические ресурсы), то сильный и развитый захватчик может их законно экспроприировать. *Terra nullius* – ничейная территория; область, не подпадающая под сюзеренитет какого-либо государства. Как отмечал Гуго Гроций, «ничья земля» приравнивается к территории противника на которой он по праву может вести военные действия [7, с. 41]. Д. Ливен сопоставляет эти элементы с громадным материалом истории Британской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй. Я сосредоточусь на османо-русской компаративистике, из

которой Д. Ливен выводит ключевое и значимое до сих пор определение всей российской истории и политики: «Великорусское самодержавие – это безжалостный механизм для мобилизации человеческих и материальных ресурсов общества ради обеспечения государственных приоритетов и задач. Такова суть русского государственного разума» [7, с. 401]. Для доказательства данного положения Д. Ливен описывает множество фактов и тенденций русской и османской истории, политики и идеологии [9]. Укажем здесь только те, которые позволяют развить концепт русского государственного разума на фоне осmano-русской компаративистики.

Переплетение успеха и поражения

Прежде всего он фиксирует пункты сходства в генезисе Российской и Османской империй: появление на периферии огромных территорий и цивилизаций, над которыми они впоследствии установили свое господство; одновременное обращение в христианство и в ислам (X в.); одновременное заселение будущего центра имперской территории (XI в.); преобладание в религиозности населения на протяжении всего средневековья смеси язычества с исламом (христианством) и вытекающее отсюда противоречие между верой городских религиозных лидеров и религиозностью народа; генезис первых правителей из среды военачальников, основой власти которых было насилие, обеспечивающее сторонников добычей, землей, престижем и чувством исполненного религиозного долга в войнах с инаковерующими; наследование родовых земель первыми царствующими династиями одним наследником (с XIV в.); превращение военачальников в монархов, которые создали государственные институты для многовековой поддержки собственного владычества; квалификация кавалерии вплоть до XVI в. как основной части армии, которая получала от монарха земли в награду за военную службу; развитие в регионах, прежде контролируемых наследниками Великого хана.

Затем Д. Ливен описывает пункты различия между Османской и Российской империями. Россия смогла двинуться на восток лишь после разгрома мусульманских княжеств Поволжья в середине XVI в. Османы не смогли двигаться на восток, поскольку на территории современного Ирана в XVI в. возникло государство, которое отрезало османов от их исторической родины в Центральной Азии. Малый процент тюркского населения ограничивал возможности колонизации захваченных территорий и был постоянной слабостью Османской империи. В Османской империи не было разделения на метрополию и периферию и правления имперской нации над подчиненными колониями. Вплоть до падения Османской империи Константинополь оставался космополитическим центром культур и народов. Даже в 1850-х гг. мусульмане составляли всего 44% его населения, а этнических тюрков было еще меньше [7, с. 223-230]. Появление Ирана означало, что османам всегда придется вести борьбу на два фронта – с христианами на севере и враждебным государством в тылу. Османы захватили север Черного моря и господствовали

там до конца XVIII в. Но в середине XVI в. распространение русских в южные степи вступило в противоречие с интересами османов. С этого времени отношения между Россией и Турцией испортились. С XVIII в. до начала XX в. Россия была злейшим врагом Османской империи.

В целом сравнение Османской империи с Российской показывает: обе находились на окраине Европы и управлялись монархами; ни в одной не было европейской феодальной знати с традициями корпоративных прав и самоуправления; обеим в XVII-XVIII вв. пришлось бороться с внешними врагами и с внутренними проблемами, мешавшими ответить на вызов Европы. Но Петр I в 1690-е гг. сумел разрушить консервативный альянс элитных военных полков (стрельцов), религиозных сектантов и городских ремесленников. В Османской империи эти силы блокировали реформы вплоть до 1826 г., когда Махмуд II уничтожил институт янычаров. По этой причине османы стали намного слабее России в 1800 г., хотя были сильнее тремя веками раньше. Успех османов был причиной их последующих неудач. Они не ставили под сомнение опробованные методы государственного управления, что в конечном итоге привело к распаду империи [7, с. 244-252].

Централизация государственного управления была главной причиной успеха и упадка эффективности центрального османского правительства в XVII-XVIII вв. Во всех империях поддержание эффективности бюрократии было затруднено, учитывая устаревшие коммуникации, большие расстояния и отсутствие средств контроля за чиновниками – свободной прессы и независимого законодательства. «Очень многое зависело от способностей правителя, оказавшегося у власти по наследственному принципу, в то время как память о золотом веке препятствовала проведению реформ» [7, с. 250]. Иначе говоря, персонификация власти – существенная причина упадка эффективности государственного управления сверху донизу.

Империя породила национализм, в результате чего османы попали в ловушку двойного тупика. Национализм в Турции распространялся из приграничных территорий к центру государства. Пограничное население имеет больше возможностей для контактов с соседями, а постоянные опасности и пограничные конфликты имеют большой резонанс. Династия считалась священной, но жизнь султанов таковой не являлась. На протяжении двух веков со времени свержения Османа II в 1622 г. многие султаны были смещены или убиты янычарами. Старая янычарская гвардия была весомым фактором фракционной дворцовой политики и обычно поддерживала противников реформ и европеизации. Новая профессиональная армия вместе с гражданской бюрократией тоже представляла угрозу как сторонница радикальных реформаторов и турецкого национализма. Армия и бюрократия – главные внутренние враги империй, но не только.

Христианское крестьянство Балкан приветствовало закон, мир и порядок, которые на протяжении первых двух веков несло с собой османское правление.

Даже в XIX в. множество крестьян Бессарабии бежали от «освобождения», которое им несла христианская, но крепостническая Россия, когда их провинция была аннексирована в 1812 г. Намного важнее то, что большинство балканских христианских элит имело причины поддерживать османское правление, поскольку оно приносило им финансовые выгоды. К этим элитам относились рагузанские торговцы, греки-фанариоты и иерархия Греческой православной церкви. По благословению османов последние получили большую власть над всем православным населением и даже арабами. «Фактически при османском правлении они обрели такую власть над славянской православной церковью, какой у них никогда не было даже в последние века византийского правления. Греки и армяне, часто связанные с верхушкой духовенства, были преуспевающими торговцами и (армяне) финансистами» [7, с. 253].

Русские победы над османами и балканские восстания вызвали массовые кровопролития и эмиграцию мусульманского населения из утраченных провинций. Окончательный результат упадка и распада Османской империи таков: в 1923 г. подавляющее большинство мусульманского населения Балкан было изгнано и убито. В ответ Турция уничтожила христианское население Анатолии. Поток мусульманских беженцев обострил межнациональные противоречия в оставшихся провинциях Османской империи. В XVIII в. большая часть османской экономики находилась в руках европейских и османских христиан. Накануне Первой мировой войны все 40 частных банкиров и все биржевые брокеры Константинополя были немусульманами. Треть османской торговой палаты состояла из греческих фирм и организаций, даже в сельском хозяйстве и ремесле иностранцы играли большую роль.

В начале XX в. все европейские империи оказались перед множеством угроз: ослабления своего могущества; потери территорий; неспособности конкурировать с иностранными державами; утраты контроля над национальными меньшинствами; развертывания конфликта между монархами и набравшей силу бюрократией, которая стремилась определять политику. Все эти угрозы в Османской империи выступали в гипертрофированной форме. Для противодействия им Абдул-Гамид учредил тайную полицию. Османская империя выступила инициатором тайных сговоров высших чиновников с политическими эмигрантами для смещения суверена. Перед ней возник выбор: оставшись империей, состоящей только из турок и арабов, она получила бы в исламе наднациональную идеологию такой силы и привлекательности, которая могла бы соперничать со светским этническим национализмом [7, с. 262-264].

Великий имперский народ

При анализе России Д. Ливен отталкивается от взглядов Ш. де Монтескье и А. Тойнби, которые изучали империи для объяснения причин мирового господства народов Северной и Северо-Западной Европы. Главные итоги изучения сводятся к постулатам: империи возникают в холодном климате и на

неплодородных почвах; борьба за существование в трудных условиях закаляет народы для несения имперского бремени; среда влияет на менталитет и уровень цивилизации, в результате чего холодоустойчивые народы обладают более твердым и закаленным характером.

В соответствии с данными критериями русские должны были стать величайшим имперским народом. Москва удалена от античных и современных имперских центров. В период рождения Московского княжества (XIII-XIV вв.) на первом месте в мировой цивилизации находился Китай, на втором – исламский Ближний Восток, на третьем – латинское христианство Европы.

География – первая причина особого положения России в истории империй. В период генезиса Россия была вынуждена установить контроль над реками и их выходами в море, чтобы противодействовать стремлению соседей облагать движение по рекам налогами и препятствовать торговле. Река определяет направление экспансии, поэтому контролирующая истоки рек держава неизбежно доминирует на территории. Русские получили контроль над Волгой и выход к Каспийскому морю в 1550-х гг., а в XVIII в. завоевали побережье Балтийского и Черного морей. Эти приобретения повлияли на развитие русской торговли, экономики, богатства и мощи Российского государства. Но моря были внутренними (Каспийское) или выходили в океан через узкие проливы (Зунд на Балтике, Босфор и Дарданеллы в Константинополе), перекрываемые иностранными флотами. Из-за этого географического факта позиция России как морской и торговой державы всегда находилась под угрозой.

Важный момент концепции Д. Ливена – акцент на многообразии русских империй. Историки объясняют имперскую экспансию с помощью терминов «тянуть» и «толкать». Первый обозначает факторы притягивания метрополии к периферии. Например, коллапс монголо-татарской империи создал вакуум власти к востоку от Москвы. А богатые мехом сибирские регионы были слабо заселены для эффективного сопротивления русскому наступлению.

Ситуация вокруг степных пастбищ к югу от Москвы была иной. Там обитали кочевники – воины и скотоводы. С VII по XVII вв. они властвовали в регионе, наводя страх на оседлые общества к северу и югу, поэтому лишь в середине XVI в. Москва начала наступление на степи. Весь регион попал под контроль России в конце XVIII в. Пока российская территория ограничивалась лесными регионами и неплодородными землями, в ней не могло появиться население и богатство, достаточные для империи. Даже в середине XVIII в. население России было меньше населения Франции. Контроль России над всем регионом между Балтикой и Черным морем – недавний феномен.

Расположение, природные и людские ресурсы регионов Северной Евразии определяли причины их захвата и роль в экономической и политической системе Российской империи. Массовая колонизация Северной Евразии была эффективным способом утверждения контроля над регионом и изменения

мирового балансу між народами і цивілізаціями. Російської специфіки в цьому не було: «Будучи одним із основних елементів європейської експансії, колонізація, як правило (хоча не завжди), підразумувала широкомасштабні етнічні чистки. І Росія тут не стала винятком... Якщо обширні землі, які зараз називаються Південною і Східною Україною, – перш за все район проживання запорожських козаків – із-за нескінченних татарських набегів за здобиччю і рабами потрапили Росії переважно порожніми, то в інших частинах степної Європи і повсюдно в Південній Сибірі наступлення сільськогосподарства і російських колоністів відбувалося за рахунок місцевих кочових народів і культур» [7, с. 338-339].

На цьому ґрунті Д. Лівен констатує схожість російської і британської колонізації: 1. Російська колонізація свого «Нового Світа» виправдовувалася розвитком необроблюваних кочівниками земель. Землеробство вважалося вищою ступенню цивілізації порівняно зі скотарством, тому слідом за англосаксами російські прославляли хоробрість і праць фермерів-колоністів, які в ворожбюї дикій місцевості з незнайомим кліматом не щадя сил несли прогрес і цивілізацію в величезні «пустуючі» регіони. 2. Подібно західно-європейській колонізації, нові суспільства, засновані слов'янськими колоністами, відрізнялися одне від одного. В Азії колонізація була селянською, там не було дворянства і великих поміщій. В Новоросії майже половина земель належала великим поміщикам-дворянам. 3. В Новоросії нові регіони сильно відрізнялися від середньої частини Росії. Тут не було крепостного права, багато селянські колоністи були українцями, а виникаючі південні міста представляли собою суміш етносів. Євреї привітали в якості колоністів, хоча їм заборонялося селитися в центрі імперії.

Для переслідування кочівників і захисту від них Росія будувала в степах ланцюг фортець. «Но основною метою російської експансії була сама земля, головним чином тому, що вона була набагато родючіше сільськогосподарських угідь Московського регіону. В боротьбі між кочівником і сучасним європейським (в даному випадку російським) колоністом передбачити переможця було нескладно» [7, с. 340].

В результаті перемоги Росії на півдні почався диспропорційний розвиток різних галузей економіки. В 1914 р. більша частина Середньої Азії із-за концентрації сільськогосподарства на хлопку перетворилася в регіон з дефіцитом продовольства. В радянське часи становище стало гірше. «Як в царське, так і в радянське часи основна частина хлопкового врожаю експортувалася на фабрики в Центральної Росії, що дуже нагадує економічні відносини між метрополією і периферією в європейських колоніальних імперіях» [7, с. 343]. Новоросія розглядалася Росією перш за все з стратегічної точки зору – як плацдарм в Чорноморському регіоні для подальшого наступлення проти османів на Кавказі.

Правда, в последние десятилетия XVIII в. Петербург колебался, стоит ли брать на себя бремя защиты и управления Грузией. В итоге победили стратегические и геополитические соображения. С учетом традиционной враждебности османов и соперничества Персии и Османской империи с Францией и Британией было решено присоединить Грузию к России и превратить ее в российскую базу в Закавказье. Вследствие этого россиянам пришлось руководствоваться законами местной геополитики, которая требовала захвата морских и сухопутных коммуникаций между Закавказьем и Россией. Началось покорение горных народов Северного Кавказа.

Кавказ оказался пограничной зоной между империями. Он был удален от центров и труднодоступен для контроля. В 1800 г. основными соперничающими империями здесь были русские на севере, персы на юго-востоке и османы на юго-западе. Все три империи имели на Кавказе своих единоверцев. В ту эпоху религия была средоточием лояльности и идентичности, намного важнее языка и национальности. В военное время единоверцы часто становились пятой колонной в тылу врага, что обрекало их на обвинения в предательстве и массовые избиения. Ужасные результаты этой кавказской традиции включали геноцид армян османами.

Однако россияне тоже приложили руку к кавказской традиции массовых депортаций, этнических чисток и убийств. Для доказательства Д. Ливен описывает политику России в период Кавказской войны и в советское время: «Всеим своим менталитетом и особенно озабоченностью геополитикой (не говоря уже о жестокости) И. Сталин во многом напоминал императора... Но его склонность к геополитике, массовой резне и этническим чисткам является чисто кавказской чертой» (курсив наш. – В.М.) [7, с. 346-347].

В целом российское правление в Азии – заключает Д. Ливен, – во многом было схоже с методами управления европейских заморских империй и составляло важный элемент европейской экспансии на восток, осуществляемый за счет нехристианских и кочевых народов. «Экспансия России базировалась на применении европейских экономических и политических технологий – иначе говоря, армий, индустрии, железных дорог и правительственных институтов, организованных по современным европейским принципам» [7, с. 349].

Политические технологии и доморощенные идеологии

На основе данных технологий складывался имперский менталитет и политико-идеологические приоритеты России. Многовековое пребывание в составе татарской степной империи породило сочувствие к методам и ценностям ее дипломатии, способам войны и управления. Даже на рубеже XVII в. московская элита высоко ставила происхождение по прямой линии от Чингисхана. Императорская кровь в сочетании с православием придавала претенденту на монарший престол значительную легитимность в глазах россиян.

Ощущение превосходства в силе и предвкушение победы над неевропейцами были ключевыми элементами европейского имперского высокомерия. Элита царской России эпигонски заимствовала эти чувства в XVIII-XX вв. Примером служит деятельность генералов П. Цицианова и А. Ермолова на Кавказе, оправдывающих террор против горцев: «Снисхождение в глазах азиата, – говорил А. Ермолов, – знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены» [7, с. 351].

Поведение русской политической элиты на Кавказе свидетельствует о тождестве российского и европейского имперского взгляда. По мере роста национализма постепенно возникал интересный феномен: каждая европейская империя полагала свою разновидность империи наилучшей. Наиболее радикальной реакцией россиян на пренебрежительное отношение к ним европейцев была гордость своими полуазиатскими корнями, татарской наследственностью и осознание «отдельности» от европейской цивилизации. В русском образе мышления всегда присутствовал националистический перекося, подчеркивавший русскую уникальность, главным источником которой полагались православие и славянство. Такова суть евразийства. До 1914 г. русское евразийство было консервативно, ограничиваясь общей для России и Азии верностью самодержавной монархии, иррациональной и религиозной космологией, антилиберальными коллективистскими ценностями. После прихода к власти большевиков евразийские идеи пропитались верой в революционную энергию новой России и ее способность уничтожить буржуазную цивилизацию Европы.

Но в свете современного увлечения евразийством Д. Ливен подчеркивает важность двух обстоятельств: 1. До 1914 г. евразийство было узким направлением мысли в русском образованном обществе, большая часть которого ориентировалась на западную культуру и политику. 2. Евразийство – это побочный продукт трудных отношений России с Европой и чувства неполноценности и отверженности России. За пиететом к евразийству скрывается констатация Ф. Достоевского, восхваляющая русский империализм в Азии: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами».

Российское чувство культурной неполноценности и слабости радикально отличается от культурного высокомерия западноевропейского морского империализма. Русские всегда жестоко относились к туземному населению (торговля местными женщинами в Сибири занимала по доходности второе место после мехов), но стремились сохранить аборигенов для их последующей эксплуатации.

«Когда речь идет о русском народе, – пишет Д. Ливен, – ценностно-стоимостный анализ плюсов и минусов империи становится вдвойне затруднительным... Однако уже сейчас должно быть совершенно ясно, что

Российское государство, безусловно, стало гораздо богаче и сильнее в результате, если не всех, то большинства своих территориальных приобретений. Без этих завоеваний оно не стало бы великой державой. Даже сегодня, в постимперскую эпоху, Сибирь – драгоценный камень в имперской короне России – дает России возможность, потеряв статус империи (после отделения Украины. – В.М.), оставаться при этом великой державой, что по географическим причинам невозможно для морских держав – Британии, Франции, Испании и Нидерландов. Потеря заморских владений обрекла эти бывшие имперские державы на положение государств второго сорта или даже хуже. Сохраняя Сибирь в составе метрополии, Россия имеет шанс, хотя и не стопроцентный, избежать этой участи» [7, с. 362-363].

Из различий между морскими и сухопутными империями Д. Ливен выводит различия их *медицинских историй*. Чума в Европе была следствием объединения Евразии под монголами, жертвами которой стали европейцы. Русская экспансия на восток и юг не сопровождалась ужасными медицинскими последствиями для степных кочевников, хотя до появления русских оспа в Сибири была неизвестной. Русские распространялись в одной экологической системе, в которой население уже обладало иммунитетом против заразных болезней, которые несли с собой русские. Вплоть до столкновения с кавказскими горцами русские не встречались с абсолютно новым для себя миром, но даже горцы не были столь фантастическими и непредсказуемыми, как народы, которые европейцы впервые обнаружили в Америках. Европейцы были вынуждены пересечь океан и встретиться с абсолютно новым миром. Русский колонист продолжал движение предков вдоль рек или по направлению к степям, поэтому у него не возникало чувства инакости. Но отсюда вытекает серьезная проблема: в сегодняшней России отсутствие чувства различия между родиной и колонией может иметь важные последствия для легитимности и стабильности российских постимперских границ [7, с. 366].

Следующая проблема вытекает из факта: империи Европы (Англия, Испания, Россия) были ее периферийными государствами. В постимперскую эпоху исторические и культурные последствия географической периферии стали фактором, затрудняющим преемникам Российской, Британской и Османской империй возможность на равных соперничать с новой Европой, сплотившейся вокруг франко-германского ядра.

Государственные институты и уровень развития культуры в большинстве периферийных обществ до Нового времени не дотягивали до уровня центров цивилизаций, с которыми они граничили. По этой причине периферийные общества были «восприимчивыми» и легко адаптировали и усваивали внешние влияния. Иногда способность усвоения технологий соседских цивилизаций превращала их в опасных военных противников, сочетавших технические достижения более развитых обществ с военными достоинствами brutальной империи-периферии. В начале XVIII в. в Европе русских воспринимали как

новый и более опасный эквивалент турок – жестоких и чужеродных варваров, но значительно лучше усвоивших европейские технические достижения [7, с. 368].

Влияние географии на историю Российской империи не следует переоценивать: «В большинстве случаев то, что происходило в головах у русских, – пишет Д. Ливен, – оказывалось важнее, чем место, которое они занимали на карте. Особенно это справедливо в отношении менталитета, идентичности и восприятия русскими самих себя» [7, с. 368].

Вплоть до настоящего момента все неевропейские общества вынуждены равняться на Запад ради выживания, все возмущаются этим фактом и развивают в ответ доморощенные консервативные идеологии. Систематизация таких идеологий и выработка средств противодействия им – еще одно направление исследований.

Поскольку в России не было четкой границы между метрополией и колонией, Москва без труда подавила движения за отдельную сибирскую и украинскую идентичность. «Политическая и культурная дистанция между царской Москвой и казацким Запорожьем была уже никак не меньше, чем между колониальной Виргинией и Лондоном» [7, с. 370], поэтому проведение такой границы – острая политическая проблема.

Формирование политической неопределенности

Для анализа корней успеха московской политики Д. Ливен переходит от географии к политическим традициям Российского государства, которые сформировались еще в доимперскую эпоху. Главные из них – самодержавие и централизация. Они являются продуктом отношения между царским государством и русским народом, народом и церковью до империи, царским государством и русской элитой, имперским государством и русским народом.

Истоки политических традиций России сложились в период 1450-1550 гг. – столетия, предшествующем завоеванию Казани. Большая часть Великой Руси была завоевана Москвой, а не присоединена в результате династических браков или по согласию сторон, поэтому точным аналогом политики Ивана III и Ивана IV являются действия первого императора Китая. Тот уничтожил местные элиты и гомогенизировал завоеванные территории и заложил основы централизованного имперского правления на тысячу лет. В политическом смысле история Российской империи несет на себе отпечаток позднего (в XVII в.) насильственного введения деспотичной формы крепостничества. Оно нанесло тяжелую травму народу, привыкшему к свободе и мобильности. Еще больше русская идентичность определялась православием.

Руководители российской внешней политики XIX в. справедливо полагали, что националистическое общественное мнение, на которое сильно влияли интеллектуальные наследники славянофилов, неспособно понять слабость России и правильно оценить ее военно-политическую стратегию в сравнении со стратегией европейских великих держав. Общество предполагало, что

внешняя политика преследует династические интересы, не совпадающие с подлинными интересами России. Эти подозрения вспыхнули с новой силой во время Первой мировой войны, когда возникла всеобщая вера в явную ложь: прогерманские фракции при дворе пытались заключить мир с Германией и свести на нет военные успехи России. Этот фактор окончательно разрушил доверие между режимом, российским общественным мнением и мнением элиты и привел в 1917 г. к свержению династии, свел на нет военные успехи России.

Д. Ливен фиксирует связь между территориальной экспансией и легитимностью государства: «Для русского провинциального дворянина, как правило, владевшего на своей исторической великорусской родине не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками, завидная успешность территориальной экспансии государства была залогом его легитимности» [7, с. 397]. По его мнению, есть историческая логика и справедливость в том, что русская помещичья аристократия и самодержавный режим, тесно связанные на протяжении веков, должны были исчезнуть одновременно. Русское самодержавие вполне можно приравнять к решающему воздействию парламентского правления и правовых норм на Британскую империю.

В 1550 г. государство и народ были накануне создания империи. В конце XX в. они внезапно перестали быть империей, а стали национальным государством. До середины XIX в. отношения царского режима и большинства русского народа были подобны обращению османской элиты с турецким крестьянством. Русский аристократ XIX в. руководствовался пушкинским страхом перед склонностью русского народа к «бессмысленному и беспощадному» бунту, но одновременно романтизировал русского патриархального православного крестьянина как бесстрашного воина с его долготерпением, жертвенностью и преданностью царю и отечеству.

В целях дистанцирования от перечисленных шаблонов русского государственного разума Д. Ливен вводит и аргументирует концепт политической неопределенности [7, с. 411-413]. Были украинцы и белорусы отдельными народами или ветвями русской нации? Проблема для украинского и белорусского национализма состоит в том, что все три народа имеют ряд общих признаков идентичности: все входили в состав Киевской Руси с центром в Киеве; одна из ветвей киевской династии утвердилась в Москве и образовала русское царство; Романовы были историческими наследниками московских Рюриковичей и потому могли притязать на все наследие Киевской Руси; три народа были объединены православием и общим церковнославянским языком; у них были общие враги – поляки и татары. На основе данных фактов русская элита пыталась обосновать шаблон, согласно которому все три народа изначально были одной нацией. Опять-таки здесь нет русской специфики. Точно так же многие англичане не отрицали факт существования шотландской

нации, твердо веря в то же самое время, что она является частью более широкой британской идентичности. Одновременно никто из русских не отрицал, что латыши или грузины являются самостоятельными нациями. Враждебный характер дебатов усугублялся крайней важностью вопроса для всех заинтересованных сторон.

На протяжении последних двух столетий Россия не смогла бы сохранить имперский статус без Украины. Отделение Украины стало определяющим фактором развала СССР. В Украине и в России политическая стабильность и национальная идентичность остаются хрупкими, а вопрос вызывает споры. В случае с Украиной наиболее существенно то, что в 1550 г. не было предопределено, обретет Украина собственную государственность или нет. «Именно возможность различных вариантов в ее историческом развитии делает украинскую историю при царском и советском режимах такой важной и интересной для изучения. Но украинский случай, помимо прочего, высвечивает некоторую общую неопределенность империи как в концепции, так и в этом конкретном случае. Что справедливо для империи в целом, справедливо и в русском и советском контексте» [7, с. 412]. Иначе говоря, концепт политической неопределенности при изучении империй является универсальным когнитивным приемом.

Московские правители расширяли территорию во всех возможных направлениях. Для оправдания захватов они объявляли себя наследниками Чингисхана, византийского императора, великих князей Киева и Владимира. «Ибо для безжалостных и прагматичных силовых политиков, правивших Москвой, было не слишком важно, насколько легитимным выглядел захват территории, если только территориальные ресурсы были надежно прикарманены. Однако официальные претензии царизма на то, что Украина и Белоруссия не были имперскими приобретениями, а являются исконными русскими землями, имеют большое значение для понимания последующей царской политики и в этих регионах и еще большее – для понимания того, что сами русские думали о природе своей империи» [7, с. 413].

Проблема выбора политических стратегий

Д. Ливен изучает период заката Российской империи как множество проблем, порожденных политической логикой территориальной экспансии. Между 1854 г. и 1917 г. успехи России на дипломатическом и военном поприще были скромными по сравнению с Британией, Германией и Соединенными Штатами. Осознание отсталости и постоянные неудачи ослабляли легитимность режима в глазах русского и нерусского населения империи [7, с. 421].

Польская проблема состоит в том, что Польша всегда оставалась «бельмом» на глазу Российской империи, а во второй половине XX в. она стала одной из важнейших причин уязвимости послесталинской советской империи. Польша была слишком велика, чтобы легко поглотить ее, а ее элиты – слишком

многочисленны, самоуверенны и привязаны к героическим воспоминаниям о независимом Польском содружестве, которое распалось в 1795 г. К тому же польские и русские церкви и государства издавна непримиримо враждовали между собой. Главный предмет соперничества между Польшей и Великой Русью сводился к претензиям на лежащие между ними украинские и белорусские земли.

История Польши в XIX в. показала, что старая царская политика создания империи на базе союза с местной аристократией уже была неэффективной, нежелательной и невозможной. Царский режим не смог это осознать и выдвинуть альтернативы для поддержания империи в современную эпоху по следующим причинам:

1. Государственные деятели не смогли отказаться от старой стратегии альянса с местной аристократией и религиозными деятелями, полагая ее более надежной, чем работу с крестьянством и русификацию пограничных территорий. Между тем «В условиях приближающейся массовой грамотности и урбанизации даже на относительно отсталых западных пограничных землях представлялась ... более перспективной идеологическая работа с детьми богатых крестьян и другими элементами нарождающегося среднего класса. В этом регионе, так же как и почти во всей Восточной и Центральной Европе, именно эти социальные группы оказали наибольшее воздействие на создание массовой национальной идентичности» [7, с. 434].

2. Правительство России на протяжении XIX в. было непоследовательным, а политика министерств несоординированной. Каждое из них руководствовалось своим представлением о способе управления нерусскими провинциями: Минфин был озабочен бюджетом и экономическим развитием; МВД отвечало за порядок и политическую стабильность; но для сохранения империи решающими оказались вопросы языка, культуры и национальной идентичности, которыми занималось слабое министерство образования.

3. В большинстве нерусских пограничных земель власть принадлежала генерал-губернаторам, которые формально подчинялись министерствам, но могли обращаться напрямую к царю. Наместники оказывали решающее влияние на политику в регионах.

4. Российская империя состояла из множества народов и национальностей с разной культурой и уровнем социально-экономического развития. Любая попытка применить ко всем единую «гармоничную» политику могла иметь катастрофические последствия.

5. В XX в. стало ясно, что для имперских проблем в современную эпоху нельзя найти простых и однозначных решений. Если русский царизм запутался в этих проблемах, то ничуть не лучше выглядели его имперские соперники [7, с. 434-435].

Д. Ливен посвящает большую главу анализу общемирового контекста империй как множества попыток решения проблем современной империи,

которые одновременно были политическими стратегиями, претендующими на универсальность.

Первая из них представляла попытку создания новой, всемирной наднациональной идеологии как опоры имперского правления. Эта стратегия была реализована в СССР.

Вторая стратегия состояла в использовании традиционной наднациональной религии и была реализована в Турции, поскольку ислам мог связывать турок, арабов, курдов и боснийцев общей преданностью султану.

Можно было усилить привлекательность империи причастностью к великой цивилизации (с которой отождествлялся тот или иной имперский режим) ради защиты от националистической угрозы. Однако ни одна империя не сумела воспользоваться привлекательностью своей великой цивилизации для поддержания имперского режима. Но из-за глубокого антагонизма между царским режимом и большинством российской интеллигенции воздействие последней на нерусское население было слабым подспорьем имперским правителям. Слабым утешением царскому правительству было то, что украинские и еврейские социалисты зачастую тяготели не к национальным, а к общеимперским революционным партиям, хотя впоследствии это могло привести к образованию социалистической империи на руинах царской.

Еще одним решением имперских национальных проблем был геноцид и этнические чистки большого масштаба. Царский режим «поощрял» эмиграцию за границу малых кавказских народов, которые рассматривал как угрозу российской безопасности. Но правители России к XIX в. были однозначно европейскими по своим ценностям и взглядам. Попытки решить проблемы империи при помощи геноцида или этнических чисток не представлялись возможными в свете моральных критериев российского правящего класса. Здесь не могло быть места аморализму режимов А. Гитлера и И. Сталина, когда тоталитарные светские идеологии могли оправдывать и требовать уничтожения народов, «стоящих на пути истории».

Однако российской правящей элите были не чужды идеи антисемитизма. Бедственное положение евреев (погромы, ограничения прав, нищета) побуждало значительную часть еврейского населения западных пограничных земель к эмиграции в Западную Европу и Соединенные Штаты. Но Д. Ливен полагает, что при обсуждении политических преследований и насилия крайне важна лингвистическая точность. Погромы нельзя назвать систематическими этническими чистками и геноцидом, которые были стратегией предположительно более «цивилизованных народов» Европы по отношению к евреям. Все исследования подтверждают, что царское правительство никогда не организовывало и не провоцировало погромов, хотя местные власти порой смотрели на них сквозь пальцы и медлили при их пресечении. Царские министры не потворствовали убийствам и были обеспокоены вспышками массовой жестокости, а также опасались, как бы неконтролируемая склонность

простонародья к анархическому сведению счетов не обернулась против них самих. С другой стороны, неприкрытая антипатия высшего начальства к евреям могла внушить младшим чиновникам надежду на то, что их неспособность остановить погромы пройдет безнаказанно и будет поощрена. Не следует забывать, что во время Первой мировой войны сотни тысяч евреев были с крайней жестокостью и без причин изгнаны российской армией из западных пограничных земель.

Еще одной стратегией решения проблем империи могла бы стать попытка пойти по австрийскому пути к созданию многонациональной федерации. Но самодержавная централизация не позволяла империи развиваться в мозаику коронных земель в австрийском стиле, где каждая земля сохраняла собственную политическую идентичность. Ступив на эту дорогу, Австрия уже была не в состоянии остановить своего движения в сторону многонационального федерализма.

Однако ни один из членов российской элиты не рассматривал австрийский вариант решения проблемы многонациональной империи как достойный образец для подражания. С российской точки зрения он представлялся источником политической нестабильности и проявлением военной слабости, которой в России старались избежать любым путем. Комментируя итоги войн 1859 г. и 1866 г., российские военные отмечали тот факт, что многонациональный состав габсбургской армии отрицательно воздействовал на ее моральную стойкость и боеспособность. В противоположность этому высоко ценилось значение национальной однородности в прусской, итальянской и российской армиях. Военные отвергали возможность сравнения Российской империи с многоязычной Австрией. С военной точки зрения они были правы. В это время лишь некоторые мусульманские подданные русского царя были военнообязанными. В 1870 г. 90% призывников составляли русские, белорусы и украинцы. И здесь наиболее существенно то, что в глазах царской элиты белорусы и украинцы являлись русскими, хотя говорившими на диалектах и имевшими свои особые традиции. Не только царская элита, но вся Европа в 1870-х гг. принимала как данность, что украинцы и белорусы в своей национальной идентичности и политической лояльности были русскими в большей степени, чем баварцы – немцами.

Проблемы внутренней политики

Поэтому Д. Ливен еще раз акцентирует сходство британской и русской внутренней политики. Управляя неевропейскими народами и территориями, британцы и русские не включали большинство из них в свой проект консолидации империалистического государства. Для британцев заморские колонии всегда были конституционно отдельными территориями, и англичане отвергали идею ассимиляции их небелого населения. В Российской империи ассимиляция шла более быстрыми темпами потому, что большой процент аристократии имел татарские или кочевнические корни. Однако, к XIX в.

вследствие европеизации российской элиты у нее пропало желание ассимилировать неевропейцев. В системе законов возникло понятие инородцев, которые не подлежали ассимиляции и на которых не распространялись права и обязанности остальных подданных российского государства. В 1900 г. в эту категорию входили почти все коренные таежные, степные, кочевые и мусульманские народы российской Азии. Режим в то время не предпринимал никаких усилий для интеграции европейских мусульман в русское национальное сообщество [7, с. 446]. Перед Российской империей еще не встала капитальная политическая задача вовлечения массы мусульманских народов в государственную образовательную систему.

Что касается христианских меньшинств, то государство в это время уже пыталось использовать их школы для насаждения русского языка, культуры, идентификации и политической лояльности. В течение двух десятилетий перед 1914 г. число школ выросло. Однако образовательная система как механизм русификации населения имела значительные недостатки. Властям было сложно контролировать школы, разбросанные по огромной территории. Деревенские школы представляли собой убогие трехгодичные заведения с одним общим классом. Учителями в 1906-1917 гг. были в основном женщины, причем их положение было крайне бедственным, и они редко пользовались авторитетом у крестьянства. Живя в бедности и изоляции, они полностью разделяли недоброжелательное отношение интеллигенции к царскому режиму. Режим не доверял учителям, пытался установить над ними жесткий контроль и не мог рассчитывать на них как на помощников в деле привлечения деревни на свою сторону. Это представляло яркий контраст с той ролью, которую школы играли в воспитании патриотизма и имперских настроений среди британской или немецкой молодежи, а также с тем осознанием важности и значительности своей миссии, с которым французские учителя отправлялись на завоевание Франции ради нации и республики.

В итоге Д. Ливен делает заключение: в 1914 г. русский царизм не смог решить основные проблемы империи. Наоборот, по мере распространения среди населения грамотности и политического самосознания, трудности режима по управлению многонациональной империей только возрастали. Опыт революции 1905 г. и последовавшая за ней частичная демократизация прессы и парламентской жизни укрепили положение и силы интеллектуалов-националистов, которым стало проще встречаться, организовываться и даже находить понимание в крестьянской среде накануне Первой мировой войны. Иначе говоря, империя стимулировала рост национализма.

Российская империя проиграла войну не потому, что ее армия потерпела поражение, а потому, что обрушился ее внутренний фронт. До революции 1917 г. военное положение России было не хуже ее западных союзников. Хотя российская армия в целом уступала германской, то же самое можно сказать о французах и британцах. Экономические и военные действия России в 1916 г.

производили сильное впечатление. Знаменитый Брусиловский прорыв был наиболее удачной наступательной операцией союзников до 1918 г. Действия русских на турецком фронте были более успешными, чем действия британцев, потерпевших от османских войск поражения при Галлиполи и в Месопотамии в 1915 г. Российская армия одерживала победы над турками в каждом сражении и ко времени начала революции глубоко внедрилась на территорию Анатолии. Таким образом, революция была не следствием военных неудач, а результатом экономических тягот военного времени. Но основной ее причиной оказалась полная утрата доверия царскому режиму среди большинства российских элит и российских городских масс, поэтому теория революций – необходимая составная часть анализа империй.

Перспективы дискуссии

Предложенная мной систематизация проблем исследования Д. Ливена не является исчерпывающей и может уточняться в каждом конкретном случае. Список общих объектов исследования и тем обсуждения выглядит как анализ следующих крупных проблем: когнитивно-политические ловушки исследования империй и квалификация империй как безжалостного механизма эксплуатации природных и человеческих ресурсов; квалификация имперского государственного управления как предпосылки успеха и поражения империй; описание империй как основы и стимула для становления и развития национализма, подрывающего их существование; взаимодействие политических технологий и доморощенных идеологий; описание процедур выбора политических стратегий и решения проблем внутренней политики в контексте периода распада империй как следствия исторически накопленной несвободы, не позволяющей найти адекватный ответ на множество вызовов современности. Каждая из этих проблем может дробиться на конкретные подпроблемы.

Но общие проблемы останутся тем более актуальными, чем более в политическом и научном пространстве будет пропагандироваться идеология «особого пути» России [10]. Анализ русского государственного разума в контексте османо-российской компаративистики позволяет рассматривать множество поставленных проблем как повестку дня дискуссии, имеющей прямой выход на ситуацию в современной России.

В настоящее время в мировом научном и политическом сообществе обсуждается правомерность присоединения Крыма к России. Высказываются противоположные точки зрения. Выработку отношения к ним можно начать с вопроса: применима ли к истории присоединения Крыма и Кавказа к России идеология цивилизационной миссии и доктрина *terra nullius*?

Книга Д. Ливена вдохновила меня на перечитывание «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского под углом зрения поставленного вопроса. Я нашел там много интересного для доказательства правомерности предложенного подхода. Приведу один показательный отрывок.

Выдающийся писатель в августе 1876 г. полностью соглашался с мнением газеты «Московские ведомости», которые «...выражают желание «не жалеть о татарах» и т.д. не для одной лишь политической стороны дела, не для одного лишь закрепления окраин, и выставляют прямо экономическую потребность края. Они выставляют, как факт, что крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву Крыма и что русские, и именно южнорусы – на это гораздо будут способнее, и в доказательство указывают на Кавказ. Вообще если б переселение русских в Крым (постепенное, разумеется) потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться. Во всяком ведь случае, если не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жидаы и умертвят почву края» [11, с. 55].

Из приведенного отрывка вытекает, что идеология цивилизационной миссии и доктрина terra nullius при присоединении Крыма и Кавказа к России выступали в обрамлении «еврейской угрозы» и антисемитских убеждений не только отдельных лиц, но и популярных печатных изданий, от влияния которых не смог освободиться великий писатель. Но точно ли он излагал факты?

Выдающийся российский историк Б.Э.Нольде показал, что русское общество начало заражаться вирусом империализма как раз после завоевания Крыма: «Завоевание Крыма было прямым нарушением Россией Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции и ущемляло законные права Турции. В Санкт-Петербурге понимали, что это может привести к новой войне, однако все же надеялись на лучшее» [12, с. 552-553].

Вместо старых и новых надежд у меня есть предложение учесть информацию А.Х. Бенкендорфа, который был первым руководителем российских спецслужб. В 1804 г. он посетил завоеванный Россией Крым и сообщал: «С первыми днями весны мы покинули Херсон и направились в Крым. Въезжают на этот полуостров через единственный проход – Перекоп. Татары – долгое время хозяева России, в свою очередь побежденные со всех сторон, нашли в Крыму свое последнее прибежище. Они возвели этот земляной вал, или Перекоп, который оказался всего лишь слабой преградой против отваги наших войск. Но вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что весь Крым сделался безлюдным; эта прекрасная провинция, житница Константинополя и Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питающая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню... можно подумать, что Россия покорила Крым только ради создания порта и флота в Севастополе. Действительно, невозможно найти в Крыму более просторного и удобного места; все флоты Европы могли бы здесь встать на якорь» [13, с. 80-82].

Стало быть, Его Высочайшее правительство имел мужество признать факт разорения Крыма в результате его присоединения к России, стратегические

мотиви такого приєднання і втекаючий отсюда вечний позор, а не риторическіе ссилки на русскій етніческій фактор.

Данніе уточнення дозволяють внести необхідну конкретизацію в концепцію Д. Лівена і определити повестку дня дискусії по проблемі русского державного розуму в контексте османо-російської компаративістики.

Список использованных источников и литературы

1. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2013. – Часть 1. – 659 с.
2. Русская власть и бюрократическое государство: коллективная монография / Отв. редактор В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – Часть 2. – 626 с.
3. Арон Р. Мир и война между народами / Пер. с фр; Под общей ред. канд.полит.наук Даниленко В.И. – М.: NOTA BENE, 2000. – 880 с.
4. Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 30-40.
5. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. – М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2015. – 600 с.
6. Макаренко В.П. Город как судьба: взгляд Нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2011. – № 4. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.4/12.pdf>
7. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Изд-во «Европа», 2007. – 681 с.
8. Макаренко В.П. Проблема дистанции при описании социо-политической динамики России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/04.pdf>
9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 568 с.
10. Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб. ст.] / Kennan Institute; Под ред. Э.А. Паина. – М.: Три квадрата, 2010. – 320 с.
11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1876. Май-октябрь // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. – Т. 23. – 424 с.
12. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой, под ред. И.В. Кучумова; отв. ред. В.А. Тишков. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. – 848 с.
13. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837 [публ. М.В. Сидоровой, А.А. Литвина; пер. с фр. О.В. Маринина; предисл. М.В. Сидоровой]. – М.: «Рос. Фонд Культуры», 2012. – 759 с.

Макаренко В.П. Російський державний розум з погляду османо-російської імперської компаративістики.

Для адекватного формулювання проблеми імперії в історії та сучасній Росії потрібна дистанція стосовно концепцій, які розробляються представниками офіційної науки і пропаганди всередині Росії та росієзнавцями за межами країни. Концепт дистанції дозволяє засвоїти теоретичний простір ґрунтовної праці Д. Лівена в контексті сучасних російських перетворень з одночасним дистанціюванням від політичної кон'юнктури та інтелектуально-політичних мод. Дані уточнення дозволяють внести необхідну конкретизацію в концепцію Д. Лівена і визначити порядок денний дискусії щодо проблеми російського державного розуму в

контексті османо-російської компаративістики. У статті систематизовано загальні проблеми Російської імперії до 1917 р. і поставлена проблема їх відтворення в сучасній Росії.

Ключові слова: російський державний розум, імперія, подібність та відмінність Османської й Російської імперій.

Makarenko V. Russian State Mind from the Point of View of the Osman-Russian Imperial Comparative Studies.

To adequately formulate the problem of the empire in history and in modern Russia, a distance is required in relation to concepts that are developed by representatives of official science and propaganda within Russia and by Russian scientists outside the country. The concept of distance allows to master the theoretical space of the solid work of Dominic Lieven in the context of modern Russian transformations with simultaneous distancing from political conjuncture and intellectual and political fashions. These refinements make it possible to introduce the necessary concretization into the concept of D. Lieven and to determine the agenda of the discussion on the problem of Russian state mind in the context of the Ottoman-Russian comparative studies. The article systemizes the general problems of the Russian Empire until 1917 and poses the problem of their reproduction in modern Russia.

Keywords: *Russian state mind, empire, similarity and difference of the Ottoman and Russian empires.*